

ного философского «беспочвенного» мышления. Весьма распространенное понимание творческой эволюции Шестова, как «движения разрушителя к спасительному Откровению» есть сильное упрощение. В сходной ситуации Э.Целлер оценил теологический поворот Плотина как «самоубийство философии». С этим решительно не согласен Шестов. Философия свободного духа не отменяется, но предполагается Откровением: «Главное научиться думать, что если бы люди были убеждены, что Бога нет, – это ровно ничего не значит.... **Бог всегда требует от нас невозможного**» [2, с. 621].

Список литературы

1. Гегель Г.В. Ф. Лекции по истории философии. // Гегель. Соч., т.9. – М.-Л.: 1932.
2. Шестов Лев. Афины и Иерусалим. // Шестов Лев. Соч. в 2-х тт. – Т.1. – М.: 1993.
3. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. В 2-х тт. – Т.1. – М.: 1990.
4. Шестов Лев. *Potestas clavium*. // Шестов Лев. Соч. в 2-х тт. – Т.1. – М.: 1993.
5. Лев Шестов. Апофеоз беспочвенности. – Л.: 1991.

УДК 165.023.1

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОЗРЕНИЯ Л.ШЕСТОВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ «ФИЛОСОФИИ НЕСТАБИЛЬНОСТИ»

М.Л. Бессарабова
Харьков, Украина

И.Пригожин, характеризуя состояние окружающего мира, являющегося предметом научного познания, обозначает его понятием нестабильный [2]. Этим свойством мир стал характеризоваться познающими его лишь недавно, а до сих пор он виделся как упорядоченный, детерминистский, а значит, поддающийся познанию. Задача человека состояла лишь в том, чтобы найти адекватный метод познания, который бы позволил выявить существующие в природе закономерности и с помощью этого установить контроль над природой или по крайней мере сделать её прогнозируемой. Такое видение мира породило феномен классической науки, которая сделала именно устойчивый маятник образцом исследования, а понятию нестабильности придала негативное звучание, исключив его из круга своих интересов. Эти идеи и представления, являющиеся результатом научного осмысления мира, задали тон всему западному мышлению на несколько столетий. Согласно этим представлениям, не оставалось места для уникальных, единичных событий, одним из примеров которых является человеческая индивидуальность. И неклассическая философия возникла именно вследствие сопротивления всепоглощающему рационализму, как стремление отмежевать человека от этой всеобъемлющей закономерности, сделать из гносеологического субъекта живую переживающую личность. Неклассическая философия, ставшая реакцией на наукоцентризм культуры, тем не менее не отрицала познаваемость и упорядоченность мира, а просто вынесла проблематику и результаты научного познания за скобки, обратив свой взор к человеку, к его смысложизненным проблемам.

Современная наука внесла значительные коррективы в представления человека о мире. Открытие неравновесных структур, в которых связи непредсказуемо устанавливаются сами собою, космологические открытия, выявившие существование у мироздания истории, привели, по мнению Пригожина, к тому, что понятия «беспорядок» и «нестабильность» стали атрибутами состояния природы и обрели равноправие наряду со своими антонимами, лишившись ранее присущего негативного оттенка. Реальность нестабильна, непрогнозируема, а значит, все познавательные усилия человека бессильны. Вследствие этого «вырисовывается контур новой рациональности, к которой ведёт идея нестабильности. Эта идея кладёт конец претензиям на абсолютный контроль над какой-либо сферой реальности, кладёт конец любым возможным мечтаниям об абсолютно контролируемом обществе» [2, с. 51]. Такая ситуация даёт повод И. Пригожину говорить о сближении деятельности носителя и учёного: в обоих исходная ситуация открывает простор для фантазии и различных вариантов своего развития. Философия нестабильности для Пригожина не подразумевает отказ от познания или философствования, она лишь приближает естествоиспытателя к позиции гуманитария, вводя в деятельность первую категорию риска, выбора, ответственности. Иными словами, лишает его твёрдой почвы под ногами, заставляет прибегать к воображению. Такие требования к философу и учёному выдвигаются не впервые, хотя впервые под них подводятся гносеологические основания.

Философствовать без почвы пробовал и призывал следовать за ним Л. Шестов. Его философия выдержана в духе русской традиции, для которой характерны «свободная и вненаучная форма философского творчества» [3, с. 85], отсутствие философской системы. Русская мировоззренческая мысль является философией при условии понимания последней как «сверхнаучное интуитивное учение о мировоззрении» [3, с. 84]. Если принять такое определение, теоретизирование Шестова является философствованием, если же нет, то его творчество представляется отрывочными бессистемными неаргументированными афоризмами. Не ссылаясь ни на какие научные предпосылки, пренебрегая логическими аргументами, Шестов создаёт апологию беспочвенности, следовать которой он предлагает и философу, и учёному, и обывателю. Свою задачу русский философ видит в том, «чтобы раз навсегда избавиться от всякого рода начал и концов» [3, с. 35]. Реализуя это задание, Шестов объявляет логику проявлением закона инертности, который является врагом философии. Исходя из этого строится образ настоящей философии, цель которой – «научить жить человека в неизвестности, ... не успокаивать, а смущать людей» [4, с. 52]. Логика, приводя взыскующего истины к формулировке закона, который является «укрепляющим сном», тем самым успокаивает, расслабляет, снижает актуальность дальнейшего вопрошания. А истинно философским состоянием является постоянное любопытство, вопрошание там, где всё, казалось бы, очевидно, исследование вопреки перспективе безрезультативности: «что за беда, что вы... увидите в баранах баранов?» [4, с. 173]. Чрезмерное доверие к научному познанию делает человека рабом всеобщих законов, установленных, быть может, ошибочно. Им подвергается сомнению сама исходная предпосылка, согласно которой в реальности господствуют законы. На самом деле, предполагает философ, законы выводятся из всегда ограниченного, хотя и разнообразного человеческого опыта. Позиция Шестова – бесконечно продолжать поиски и познание и всегда оставлять место для возможности события, противоречащего тому, что допускается доказанным и общепринятым. Мир познаваем эмпирически, соразмерно конечному человеческому разуму, плодом которого явля-

ется само понятие истины, утверждение о том, что одно возможно, а противоположное ему невозможно.

Такие взгляды русского философа объясняются его принадлежностью к религиозному варианту экзистенциализма, ищущего спасения в порыве к трансцендентному. Недоверие Шестова к обоснованному, подтверждённому наукой обусловлено его верой в то, что «царству разума, необходимости противостоит Бог. Бог ничем не связан, ничему не подчинён, для Бога всё возможно» [1, с. 105]. Поэтому наука, не берущая во внимания иные, ненаучные способы постижения истины, может однажды потерпеть крах. А значит, только гибкость философа, его переход к иным перспективам, учитывание всех мыслимых и немыслимых вариантов, включение воображения, допущение того, что «всё, что угодно, может произойти из всего, что угодно» [4, с. 109], делает его деятельность истинно философской, недогматичной и, следовательно, повышает вероятность обретения им истины.

Итак, философствуя «без почвы», не обращаясь к научным аргументам, вдохновлённый лишь интуитивными прозрениями, Л. Шестов приходит к тем же выводам, что и опирающиеся на науку философы конца XX ст. Новая рациональность, которую предлагали неклассические философы, и Шестов в том числе, предполагающая отказ от представления о всевластии человека, от полагания всеохватывающих законов, от веры во всегосподство логически мыслящего разума, утвердилась через полстолетия как следствие логических выводов из научного познания мира. Это доказывает, что научный метод постижения истины не единственно возможный и верный. Интуитивное схватывание истины, обращение к нерациональной аргументации, поиск на нехоженых наукой и философией тропах может привести кратчайшим путём к результатам, добытым тщательнейшим научным исследованием.

Список литературы

1. *Бердяев Н.* Основная идея философии Льва Шестова // *Н. Бердяев о русской философии.* – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. – С. 104 – 108.
2. *Пригожин И.* Философия нестабильности // *Вопросы философии.* – 1991. – № 6. – С. 46 – 57.
3. *Франк С.* Сущность и ведущие мотивы русской философии // *Философские науки.* – 1990. – № 5. – С. 83 – 91.
4. *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности: опыт адогматического мышления. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. – 214 с.